
О ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ ИСТОРИИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Г. А. ДМИТРИЕВ (Ленинград)

В третьем номере «Историко-филологического журнала» за 1968 г. была опубликована статья М. А. Заборова «К вопросу о значении известных восточных современников крестовых походов». Статья направлена не столько против моей рецензии на его монографию¹ (1968, №1), сколько, как это ни странно, против признания армянских источников.

Две страницы его статьи (стр. 154—155) посвящены моей рецензии, хотя М. А. Заборов первоначально готовил свою работу как приложение к названной монографии. Иначе говоря, статья подготавливалась задолго до выхода в свет номера «Историко-филологического журнала» с моей рецензией и «абсолютно независимо от нее» (стр. 154). Редакция в своем примечании также подтверждает, что статья эта получена «до выхода первого номера журнала за 1968 г., дополнения по поводу рецензии Г. Дмитриева внесены автором после выхода этого номера» (там же). Положение вещей немного проясняется, но тогда встает новый вопрос: почему же все-таки работа М. А. Заборова «первоначально была задумана в форме приложения к названной монографии»? Почему нельзя было использовать армянский источник, наряду с латинскими, в самой этой монографии? Или это обстоятельство также «с полной определенностью свидетельствует против представления Г. Дмитриева о недооценке мною» (М. А. Заборовым) «восточных источников» (там же)?

М. А. Заборов вольно переводит соответствующее место написанной на среднеармянском языке хроники Матвея Эдесского... с французского. Читатель подумает, что М. А. Заборов уверен в правильности французского перевода. Однако это не совсем так. «К сожалению, — пишет он, — нам недоступен армянский оригинал, пользуясь которым Г. Г. Микаелян при изложении рассматриваемых событий дает совершенно иной перевод версии Матвея Эдесского» (стр. 157). Автор не уверен в достоверности используемого французского перевода хроники! Ж. Дюлорье был большим знатоком армянского языка, но армянский хорошо знал и Г. Г. Микаелян. Кроме того, Г. Г. Микаеляна нельзя дискредитировать одним указанием на то, что он не точно передает какое-то место латин-

---

¹ См. М. А. Заборов, Введение в историографию крестовых походов (Латинская хронография XI—XIII веков), М., 1966. (В дальнейшем ссылки на эту книгу даются в тексте статьи).

ской хроники: он был, в первую очередь, арменистом. Не будет излишним заметить, что сообщения латинских авторов он использовал не в «приложении к названной монографии», как это собирался сделать М. А. Заборов, а в самом тексте своей книги, сопоставляя их с армянскими источниками. Но пока оставим спорное место хроники Матвея Эдесского. Основываясь на неясном для него сообщении, М. А. Заборов подверг критике мнение А. Людерс. И, более того, он еще написал статью, о которой идет речь. «...К сожалению, нам недоступен армянский оригинал». Действительно, к сожалению!

В своей рецензии на книгу М. А. Заборова я пишу о побуждениях и настроениях жителей Кесуна, оказавшихся перед опасностью захвата города франками. «Эти настроения,— говорится в ней,— не могли не сказаться в передаче хронистами отдельных исторических событий» (1968, № 1, стр. 261). «Но если так,—указывает М. А. Заборов,—то какие же причины видеть «реальную основу» научной критики свидетельств западных авторов исключительно в сообщениях восточных памятников?» (1968, № 3, стр. 154—155). М. А. Заборов дает заведомо неправильное истолкование рассматриваемого места рецензии. У меня сказано: «Известное предрасположение и настроения этого рода создавались в определенных социальных условиях и представляли собой психологическое отражение каких-то явлений общественных и политических отношений» (1968, № 1, стр. 261). Действительно, если те или иные настроения появляются в определенных социальных условиях, принимающих известные психологические формы, а составитель хроники писал под влиянием этих настроений, то произведение, вышедшее из-под его пера, должно было вполне объективно отражать описываемые события. М. А. Заборов же сделал иной вывод, который не может основываться на моей рецензии.

Далее М. А. Заборов пишет: «Разумеется, было бы неверным принципиально противопоставлять восточные памятники крестовых походов латинским (конечно, было бы! — Г. Д.), как, например, поступает Г. Дмитриев; с его точки зрения, лишь восточные источники дают «реальную основу для научной критики» латинской хронографии крестовых походов. Г. Дмитриев впадает в заблуждение, выдвигая (?) подобный взгляд, ибо нет никаких оснований приписывать столь неслыханные преимущества восточным источникам» (1968, № 3, стр. 154).

В начале своей рецензии на книгу М. А. Заборова я писал о том, что в книге о латинской хронографии следует критически использовать латинские источники, подвергая их сравнительному перекрестному анализу, и что автор монографии этого не делает или делает это в недостаточной степени (1968, № 1, стр. 260.). Заканчивается рецензия такими словами: «Реальную почву для научной критики дают восточные источники» (там же, стр. 265). И они действительно дают такую основу, наряду с западными, о которых речь шла вначале. М. А. Заборов присовокупил только одно лишнее слово — «лишь»: «лишь восточные источ-

ники дают «реальную почву», и смысл оказался прямо противоположным. Это еще не все: он затем усугубляет искажение и в результате делает «заключение о неслыханных» преувеличениях в оценке Г. Дмитриевым восточных источников.

«Разумеется, было бы принципиально неверным противопоставлять восточные памятники крестовых походов латинским, как, например, поступает Г. Дмитриев». Но я писал совсем иное. И отзываюсь в положительном смысле об армянском авторе, который этого не делает. М. А. Заборов, может быть, и в самом деле нашел у меня иную точку зрения в связи с крестовыми походами или латинскими памятниками той эпохи?

Как я уже отмечал в своей рецензии на книгу М. А. Заборова, последний некритически использует латинские хроники. Но об этих хрониках я высказывался и в своей рецензии, посвященной монографии А. Людерс (также опубликованной в «Историко-филологическом журнале»). В ней речь идет о «характеристике источников и установлении их достоверности» и вслед за тем сказано: «При этом такая характеристика и проверка оказываются возможными только при использовании других наличных источников, в данном случае латинских и арабоязычных» (1966, № 3, стр. 282). Сопоставив сведения хроники Вильгельма Тирского и Матвея Эдесского, рассказывающих нам, как в 1123 г. был взят в плен Балдуин II, я делаю заключение: «Сообщение Вильгельма Тирского об этом бое, по всей очевидности, является более достоверным, чем его изложение у Матвея Эдесского» (там же). И дальше в рецензии речь идет о том, что сирийские и армянские источники нужно использовать наряду с латинскими и арабскими, сопоставлять и сверять их с ними.

Возражения М. А. Заборова против моей рецензии заведомо необоснованы и даже не согласуются с некоторыми его собственными высказываниями². Однако они имеют еще другой смысл, иное содержание. Так, по словам М. А. Заборова, я приписываю «столь неслыханные преимущества» восточным источникам. «Преимущества» — перед латинскими? Но тогда это явные натяжки в толковании моих тезисов. Может быть, у меня речь шла о «неслыханных преимуществах» восточных источников самих по себе, независимо от их отношения к латинским? И что это за «восточные источники»? Да, это действительно так, и я имел в виду, в сущности, армянские источники. О них-то и шла речь в моей рецензии. После того, как мы признали это, кажется, можно понять смысл выпада М. А. Заборова: его слова направлены против армянских письменных памятников.

Но и это еще не все. В статье М. А. Заборова смешаны различные источники, они сведены к одному знаменателю без учета их характерных особенностей. «Действительно, — задает М. А. Заборов вопрос, — по-

² В свое время М. А. Заборов резко критиковал западных историков (см. М. А. Заборов. Первый крестовый поход в изображении католического мракобеса, «Средние века», вып. III, М., 1951, стр. 312).

чему мы вправе ожидать от восточных авторов большей объективности в отношении крестоносцев, нежели от латинских?» (1968, № 3, стр. 154). Я отмечал в своей рецензии, что М. А. Заборов почти совсем не использует восточных источников, но я не писал, что все восточные источники объективнее латинских. Арабские и персидские, армянские и сирийские источники существенно отличаются один от другого. Латинские и арабские хронисты были представителями враждебных сторон, тогда как армянские и сирийские нередко обнаруживали более критическое отношение и к той, и другой стороне, почему их хроники можно считать более объективными в сравнении со свидетельствами первых. Положение армян и сирийцев как в латинских владениях, так и на мусульманских территориях обуславливало большую объективность их хронографий, не говоря уже о том, что армянские хронисты Киликийского царства были озабочены судьбами своей страны и могли судить более объективно об экспедициях франков или вторжениях мамелюков в XIV в.³

Ну, а как соотносятся арабские и латинские хроники, какие из них объективнее? Очевидно, в одних случаях — одни, в других — другие. Но арабские авторы во многих случаях освещают те же самые события в другом аспекте, и, следовательно, сообщаемые ими сведения приобретают большую ценность при изучении латинских источников. Вот почему М. А. Заборов допустил ошибку, не привлекая или почти не используя их в своей монографии. Соответственно при изучении арабских источников эпохи крестовых походов чрезвычайно важны латинские.

Наряду с этим в статье М. А. Заборова встречаются суждения, которые можно считать недостаточно обоснованными. Оказывается, сообщения восточных авторов «представляют исключительный интерес: подчас по своей достоверности они превосходят проникнутые апологетикой односторонние данные латинских хронистов» (1968, № 3, стр. 153—154). «Поэтому в каждом конкретном случае для выяснения достоверности тех или других известий надлежит сопоставить максимум данных всех наличных источников относительно занимающих исследователя фактов» (там же, стр. 155). Все это, как полагает М. А. Заборов, должно свидетельствовать, и при том «с полной определенностью», о том, «что это нельзя винить в недооценке восточных источников» (там же, стр. 154).

Чтобы уяснить этот вопрос, нам придется снова обратиться к монографии автора.

Он пишет: «Арабские, армянские, византийские и прочие памятники той эпохи, сколь ни велика их ценность, имеют все же только вспомогательное значение» (стр. 5). В этом утверждении содержится внутрен-

³ Отметим, например, что у С. Борназияна и армянское рыцарство характеризуется иначе, чем западное: «... Արևմտաեվրոպական ազդեցութեան տակ հանդես եկած հայ ապստամբները, որք է տարբերութիւն Արևմտեան եվրոպայում և խաչակրաց պետութիւններում հանդես գլած ապստամբներն, ունեն բոլորովին այլ առարկութիւններ...» (см. *Ս. Բորնազյան, Հայ ապստամբները Կիլիկյան հայկազան պետությունում XII—XIV դարերում, ՀՍՍՀ ԳԱ «Տեղեկագիր» (հաս. գիտ.), 1963, № 3, стр. 85—86).*

нее противоречие: если восточные источники имеют лишь вспомогательное значение, навряд ли их ценность будет так велика, и наоборот. Такого противоречия в статье мы уже не обнаруживаем. Выше приводилось нами то место, где говорится, что «подчас по своей достоверности они превосходят» латинские источники. М. А. Заборов оставил свою прежнюю точку зрения, хотя и не признается в этом. А ведь он писал даже о том, что «именно произведения латинских хронистов» «наиболее систематичны и последовательны в изображении событий крестовых походов» (там же)! Правда, автор не уточнил, в чем они «наиболее систематичны и последовательны», возможно даже, что последовательны в своих «восхвалениях крестоносных героев» или «искажениях подлинных фактов». Если хронисты, по мнению М. А. Заборова, последовательны именно в этом отношении, то тогда его высказывания в монографии и статье, несомненно, совпадают.

* * *

М. А. Заборов отметил то место моей рецензии, где говорится, что он почти совсем не использует восточных источников, «а армянские хроники на страницах его книги и вовсе не появляются». «При этом, однако,—возражает М. А. Заборов,— упускается из виду, что моя книга посвящена одной лишь латинской хронографии крестовых походов» (1968, № 3, стр. 154). Как это ни странно, но данное утверждение представляет собой полемический прием. Я пишу о том, что латинские источники нужно изучать, привлекая латинские же и восточные, а М. А. Заборов отводит последнее положение указанием на то, что такое требование выходит за рамки его темы.

Достаточно обратиться к «Введению в историографию», чтобы стало ясно, насколько односторонне подходит ее автор к латинским источникам.

«В свете фактов, передаваемых в тех же латинских хрониках,— пишет М. А. Заборов,— крестоносцы выступают алчными захватчиками, озабоченными, прежде всего, добычей, а не религиозными святынями. Им слепит глаза золото и серебро противника, их руки тянутся к драгоценностям, да и ко всякому добру, кому бы оно ни принадлежало. Они начинают грабить, еще находясь на европейской территории» (стр. 214—215). «На Востоке аппетиты крестоносцев разыгрываются еще сильнее» (стр. 215). Автор приводит затем целый ряд сообщений хронистов об участвовавших крестоносцами грабежах, об их алчности и жадности (стр. 215 и сл.). Хронисты в некоторых случаях считают захваченную добычу безмерно большой, пишут о том, что она была неизмеримой и по своему объему превосходила все возможное; в других случаях они сообщают о победах крестоносцев над турками и арабами, сопровождавшихся захватом громадных ценностей; наконец, они воспевают, нередко в стихах, грабежи и захват добычи.

Но не преувеличивали ли латинские хронисты?

По словам М. А. Заборова, Вильгельм Тирский ход сражений и кампаний подчас объясняет «разного рода реальными факторами» (стр. 144). Этот хронист много говорит об алчности и жадности крестоносцев в связи со вторым крестовым походом. Мы и рассмотрим данное его сообщение.

Вильгельм рассказывает о том, что жители Дамаска, осаждаемые крестоносцами и уже приготовившиеся было к бегству, решили воспользоваться жадностью христиан, стоявших под стенами города⁴. «Пустив в ход деньги, они стали привлекать на свою сторону, чтобы затем покорить их, души тех, кого они не в состоянии были одолеть силой»⁵. Хронист рисует такую картину: собрание баронов и рыцарей, как местных, так и прибывших в ходе второго крестового похода, с участием иерусалимского короля Балдуна, Людовика VII и Конрада III, приняло решение выступить к Дамаску, чтобы взять этот город. Крестоносцы наступали с западной стороны, через сплошные сады в окрестностях города и расположились под его стенами. И тогда-то дамаскинцы подкупили каких-то влиятельных крестоносцев, которые взялись уговорить королей и князей отвести войска с запада к юго-восточной части города. Войска были отведены и оказались в крайне тяжелом положении, без продовольствия и воды, перед лицом сильного неприятеля. В итоге крестоносцам ничего не оставалось, как отступить, хотя они сломали сопротивление дамаскинцев. Подкуп, алчность и предательство предрешили судьбу наступления⁶.

В этом рассказе В. Тирского бросается в глаза целый ряд противоречий. Собранием рыцарей, баронов и королей в начале похода было принято решение атаковать город именно со стороны садов, причем считали, что, как только это препятствие будет преодолено, город окажется в руках крестоносцев. Подкупленные участники похода, убеждая князей переменить позицию, ссылаются на то, что там нет ни садов, которые нужно преодолевать, двигаясь к городу, ни реки, которую пришлось бы переплывать⁷. Но река давала воду, а в садах можно было найти пищу и корм; кроме того, когда изменники ставили этот вопрос, все отмеченные препятствия, преграждавшие путь с западной стороны, были уже преодолены, и потому постановка данного вопроса теряла смысл. Наконец, сам Вильгельм Тирский говорит, что, наводя справки и расспрашивая знаю-

⁴ См. „Willermi Tyrensis historia“, XVII, V, Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux, т. I, Paris, 1841, стр. 765.

⁵ „... Et pecuniarum interventu eorum expugnare animos sumt agressti, quorum corpora posse vincit diffidebant“ (там же, стр. 765—766).

⁶ См. там же, XVII, I—VII, стр. 758—770. В соответствующей части „Больших французских хроник“ воспроизведен этот рассказ тирского архиепископа (см. „Les grandes chroniques de France“, т. III, Paris, 1837, стр. 391 и сл. См. также „Matthaei Parisiensis chronica majora“, т. II, L., 1874, стр. 183).

⁷ См. „Willermi Tyrensis historia“, XVII, II, стр. 760, а также V, стр. 766.

щих людей, он собрал лишь разноречивые сведения, не согласующиеся одни с другими⁸. Что же касается вопроса о предательстве, о котором он рассказывает, то хронист приводит три различные версии, из которых две находятся в явном противоречии с его рассказом об отводе войска и только последняя еще может быть согласована с ним⁹. Рассказ Вильгельма оказывается не вполне достоверным. Возникает сомнение и по вопросу о том, был ли вообще совершен переход на юго-восточную сторону Дамаска¹⁰. Но если даже он был совершен, то чем же тогда был вызван этот переход и что побудило крестоносцев к отступлению?

Латинские хроники не дают возможности внести какую-либо ясность в рассматриваемый вопрос. Зато подробные сведения о сражении за Дамаск можно найти у арабских авторов, которые обстоятельно описывают весь ход осады города, детально излагая его день за днем. Арабские историки рассказывают, что крестоносцы, выйдя к стенам города, рассыпались по садам и стали грабить окрестности. В это время жители Дамаска готовились защищать город. К ним стали подходить подкрепления из окрестностей. Из северной Сирии к Дамаску уже шли войска Нур эд-Дина и Сейф эд-Дина, сыновей Зенги. Нур эд-Дин предложил правителю Дамаска принять в город его гарнизон. Муин эд-Дин Анар уведомил об этом крестоносцев, побуждая их снять осаду. Крестоносцы оказались перед трудной дилеммой: отступая от города, они проигрывали кампанию, а продолжая осаду, подталкивали правителя Дамаска к капитуляции перед Нур эд-Дином и тем усиливали своего более опасного противника. Отступление оказывалось меньшим бедствием. К тому же осмелевшие дамаскинцы стали беспокоить крестоносцев своими вылазками, устраивали засады и совершали внезапные нападения, начав своего рода партизанскую войну. По-видимому, такой поворот событий и побудил крестоносцев перейти на юго-восточную сторону города, что было уже началом их отступления из-под Дамаска. При этом дамаскинцы преследовали их и многих перебили¹¹.

Совершенно очевидно, что Вильгельм Тирский в своем описании этого похода опустил самое главное: соотношение сил воевавших сторон

⁸ См. „In assignatione autem causae dissonans inventi relationes“, там же, XVII, VII стр. 768. Этой фразы нет в указанных выше французских хрониках „Les grandes chroniques de France“, т. III, стр. 402.

⁹ См. „Willermi Tyrensis historia“, XVII, VII, стр. 768—769.

¹⁰ См. W. B. Stevenson, *The Crusaders in the East*, Cambr., 1907, стр. 159; E. A. Babcock, A. C. Krey, *A History of Deeds Done beyond the Sea*, William Archbishop of Tyre, т. II, N. Y., 1943, стр. 191.

¹¹ См. В. Куглер, *Studien zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges*, Stuttgart, 1866, стр. 189 и сл.; Его же, *Neue Analekten zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges*, Tübingen, 1883, стр. 67 и сл.; В. Куглер, *История крестовых походов*, СПб., 1895, стр. 157 и сл.; R. Röhricht, *Geschichte des Königreichs Jerusalem*, Innsbruck, 1898, стр. 251 и сл.; Ф. И. Успенский, *История крестовых походов*, СПб., 1901, стр. 63—64; R. Grousset, *Histoire des croisades*, т. II, Paris, 1935, стр. 261 и сл.; S. Runciman, *A History of the Crusades*, т. II, Cambr., 1952, стр. 280 и сл.; A. Waas, *Geschichte der Kreuzzüge*, т. I, Freiburg, 1956, стр. 177 и сл.

и исключительную сложность политической обстановки в этом районе. В той картине, которую рисуют восточные авторы, едва ли остается место для подготовки осажденными подкупа¹². Михаил Сирнец и Абуль-фарадж, по всей очевидности, следовали известной христианской традиции. Ничего не говорят о подкупе и Абу-л Фёда, который рассказывает о том, что Муин эд-Дин Анар обещал передать крестоносцам Баниас в виде компенсации за снятие осады и затем передал его¹³. Впрочем, и это сообщение нельзя считать полностью достоверным, поскольку Баниас находился в руках крестоносцев. Историки неоднократно выражали сомнения в правильности сообщения Вильгельма о подкупе¹⁴, и лишь М. А. Заборов, следуя рассказу Тирского, пишет: «Среди баронов Иерусалимского королевства нашлись «изменники» «христианскому делу», купленные золотом дамасского эмира»¹⁵.

О чем говорит анализ рассматривавшегося рассказа этого хрониста? Он свидетельствует о том, что Вильгельм хотел воздать хвалу военной силе, доблести и мужеству крестоносцев, восславить их преданность делу крестового похода. Поэтому он представляет их победителями, которые потерпели поражение лишь вследствие интриг и подкупа. Темные тона его картины в данном случае оказались обманчивыми. М. А. Заборов не доверяет латинским хронистам, когда они восхваляют крестоносцев, но он не выражает сомнений в их сообщениях, если речь идет об алчности и жадности этих завоевателей и учиненных ими грабежах. М. А. Заборов обнаруживает одностороннее отношение не только к восточным, но и к западным источникам.

* * *

Обратимся к даваемому М. А. Заборовым русскому переводу соответствующего места «Истории» Матвея Эдесского. Прежде всего, он не передает достаточно правильно французский перевод. Так, у Ж. Дюлорье сказано «Il se trouva des traîtres»¹⁶; у М. А. Заборова: «Он (речь идет о Балдуине) нашел вероломных людей» (стр. 157). Если нашел, то, может быть, он их искал и был инициатором заговора? В действительности у Матвея Эдесского сказано следующее: «Ծախիմի յարևան արք նկնդաւորը»

¹² Интересно отметить, что если в «Большой хронике» Матвея Парижского стоит *concupere*, то в его «Малой истории» — уже *concupere auro*. См. прим. 6 этой статьи.

¹³ См. „Résumé de l'histoire des croisades“, KdH C. Hor. т. III, стр. 28.

¹⁴ „Es wird überhaupt kein Geld von den Feinden geboten worden sein, da die orientalischen Quellen darüber schwetgen“ (F. Lundgreen, Wilhelm von Tyrus und die Templerorden, „Historische Studien“, вып. XCVII, Berlin, 1911, стр. 85); В. Kugler, Studien zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges, стр. 196. Его же, Neue Analecten..., стр. 67—68.

¹⁵ М. А. Заборов, Крестовые походы, М., 1956, стр. 146.

¹⁶ „Extraits de la chronique de Matthieu d'Edesse, Recueil des historiens des croisades. Documents arméniens“, т. I, Paris, 1869, стр. 37.

և շարախորհարդք»¹⁷, что по-русски звучит так: «Тогда к нему явились льстивые и злонамеренные люди».

У Ж. Дюлорье говорится, что Балдуин поклялся выполнить „ce que Thoros lui avait demandé dans la lettre qu'il lui avait adresse“¹⁸. Переводчик упрощает: Балдуин клянется выполнить «все то, что Торос просил у него» (стр. 158). По-армяноски читаем: Балдуин поклялся выполнить «գոր թղթով գրեալ էր թորոսի առ կոմսն»¹⁹ (т. е. «о чем писал в своей грамоте графу Торос»).

В другом случае Ж. Дюлорье пишет о том, что Торос пообещал передать заговорщикам „la citadelle et la ville“²⁰. У М. А. Заборова оставлен лишь «город» (стр. 157); хотя на следующей странице появляется и «крепость». Французский переводчик точно передал армянский текст — «գլխալն և քաղաքն»²¹:

Отметим еще, как видоизменяется в переводах содержание следующего сложносочиненного предложения «... և Պաղատինն և ալ իշխանքն քաղաքին մասն ի կալն»²² „...et Baldouin, ainsi que les principaux de la ville, y firent leur entrée“²³, «...и Балдуин, равно как и высшие городские сановники (участники заговора.—М. З.) вступили в нее» (в крепость) (стр. 158).

Надо сказать, что в двукратном переводе строй армянской речи, которая свободно льется на среднеармянском языке, неизменно изменяется.

В этой связи остается рассмотреть еще одно интересное замечание М. А. Заборова: «К сожалению, нам недоступен армянский оригинал, пользуясь которым Г. Г. Микаелян при изложении рассматриваемых событий дает совершенно иной перевод версии Матвея Эдесского» (стр. 157). Приведем соответствующее место по-армянски: «... լախմամ լարեան արք նենգաւորք և շարախորհարդք և արարին միարանաթիւն ընդ կոմսն, լխանդի սպանցին զթորոս կորապաղաան»²⁴: Как перевел это место Ж. Дюлорье? Он говорит о заговорщиках „qui complotèrent avec lui de faire régir Thoros“²⁵, М. А. Заборов пишет о людях, «которые вместе с ним составили заговор, чтобы погубить Тороса» (стр. 157). Г. Г. Микаелян же так передает данное место: «...Вероломные люди объединились с графом

17 Там же.

18 Там же, стр. 38.

19 Там же.

20 Там же, стр. 37.

21 Там же.

22 Там же, стр. 38.

23 Там же.

24 Там же, стр. 37.

25 Там же.

и убили куропалата Гороса»²⁶. Расхождение в переводах сводится главным образом к следующему: «...составили заговор, чтобы погубить...» или «объединились с графом и убили»: «*վասն զի*» можно передать по-русски и как «чтобы», и как «вследствие чего», «*вследствие* которого». «*Վասն զի սպանցեն*» — будет означать либо «чтобы погубить», либо «вследствие которого, вследствие чего и убили». В последнем случае начало рассматриваемого места получает общий смысл. Переводы разные, но они не противоречат один другому и не исключают друг друга.

* * *

В заключение несколько слов об армянском резюме к статье М. А. Заборова. Первая фраза в ней недостаточно ясна, но смысл ее можно понять так: автор считает важными латинские источники, а восточные — не имеющими значения.

Следующая фраза резюме имеет более конкретный смысл: она указывает на то, что «латинские хроники, по понятной причине, имеют апологетический характер (*ջառագողական բնույթ*). ввиду чего «картина событий, нарисованная латинскими хронистами, является резко тенденциозной или односторонней, она часто оказывается также просто фальсифицированной (*սարգապես կեղծված է*)» (там же). Из сказанного следует вывод, что историк эпохи крестовых походов должен привлекать также и восточные источники — сирийские, армянские и другие. Однако М. А. Заборов, как мы увидим ниже, сделал вывод совсем иной.

Обращаясь к эпизоду истории Эдессы, о которой идет речь в его статье, он говорит о сопоставлении латинских и армянских источников (чего не делает в своей книге и что я предлагал в рецензии на нее) и отдает предпочтение Матвею Эдесскому перед латинскими авторами. Вывод опять очевиден, однако М. А. Заборов далее пишет: «В связи с рассматриваемыми вопросами автор приходит к тому выводу, что, давая оценку сообщений современников о крестовых походах, неправильно безоговорочно считать непогрешимыми во всех случаях восточных историков («... *ձիշտ չէր որոշվեցրում անվերապահորեն իրավացի համարել արևելյան ժամանակագիրներին*»), как полагает Г. Дмитриев...» (стр. 361—362). Этот вывод возникает самопроизвольно, ибо у меня речь шла об односторонности западных источников, а вывод М. А. Заборова сделан о восточных, о переоценке их значения!

Заслуживают внимания следующие слова резюме: «Истина заключается в том, что в каждом случае необходимо всесторонне и объективно использовать все имеющиеся материалы, независимо от их происхождения» (*«եկզմ որոշը նյութերը՝ հաշիվ չառնելով նրանց ժաղուրը»*, там же, стр. 362).

²⁶ Г. Г. Микаелян, История Киликийского армянского государства, Ереван, 1952, стр. 77.

Что правда, то правда, резюме завершается содержательной фразой. Но этой истины не было в монографии М. А. Заборова, а в резюме она носит самый общий характер.

**ԽԱՉԱԿՐԱՏ ԱՐՇԱՎԱՆՔՆԵՐԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ
ԱՐԵՎՄՏՅԱՆ ԵՎ ԱՐԵՎԵԼՅԱՆ ՍԿԶԲՆԱՂՔՅՈՒՐՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ**

Գ. Ա. ԳՄԻՏՐԻԵՎ (Լենինգրադ)

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Բանավիճելով «խաչակրաց արշավանքների պատմագրության ներածության» հեղինակ Մ. Ա. Չաբորովի հետ, հոգվածի հեղինակը վերադառնում է էախկինում («Պատմա-բանասիրական հանդես», 1968, № 1) իր կողմից առաջ քաշված հարցերին՝ խաչակրաց արշավանքների վերաբերյալ տեղեկություններ պարունակող արևելյան, հատկապես հայկական աղբյուրների դիտական արժեքի մասին:

Արդի պատմագրության մեջ լատինական ժամանակագիրների տվյալներին համեմատական քննության հիման վրա ցույց է տրվում դրանց միտումնավորությունը «տիրոջ դադաղի» փրկիչների թալանչիական արշավանքների լուսաբանման գործում:

Հեղինակի համոզմամբ, արևմտյան աղբյուրների հետ մեկտեղ արևելյան աղբյուրների քննադատական օգտագործումը միայն հետազոտողների առջև ճանապարհ կհարթի խաչակիրների բոլոր պատերազմների օբյեկտիվ ուսումնասիրության համար:

Հոգվածի վերջում ընդգծվում է, որ արևելյան, և այդ թվում հայկական, աղբյուրների արժեքավորությունը չպետք է ընդունվի միայն խոսքով, այլ որ նշված խնդրի ամեն մի բարեխիղճ ուսումնասիրություն պետք է հիմնվի նաև այդ աղբյուրների վրա: